

Воскресенье, 2-го июля 1906 года.

№ 139

Томская Жизнь

Редакция для личных объяснений съ редакторомъ открыта ежедневно отъ 6 до 7 час. вечера. Телефонъ редакціи № 545.

Контора редакціи «Сиб. Ж.» въ собств. домѣ (уг. Дворянской и Ямской улицъ) открыта ежедневно (кроме воскресныхъ и празднич. дней) съ 10 ч. утра до 6 вечера. Телефонъ № 470.

Присылаемые въ редакцію статьи и сообщенія должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ листа съ обозначеніемъ фамиліи и адреса автора. Рукописи въ случаѣ надобности подлежатъ измѣненіямъ и сокращеніямъ. Рукописи доставленныя безъ обозначенія устройствъ вознагражденія, считаются безплатными.

Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ уничтожаются. Мелкія статьи вообще не возвращаются.

Такса за объявленія: за строку петита впередъ текста 20 к., позади—10 к., объявленія прислуги и рабочихъ—20 к. за три строки; объявленія студентовъ, ищущихъ занятій—безплатно; за предлагаемые къ газетѣ объявленія въ Томскѣ 5 р. съ тысячи, иногороднимъ—7 р. съ тысячи.

А. П. Чеховъ и оппозиціонная : Россія.

(По поводу второй годовщины со дня смерти Чехова).

«Его, отчужда не забудеть,
Когда придетъ свободы день».
Барскевичъ.

«Пришло время, надвигается на всѣхъ насъ громада, готовится здоровая сильная буря, которая идетъ, уже близка, и скоро смететъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку»... Эти пророческія слова принадлежать Чехову, ровно два года тому назадъ скончавшемуся въ далекомъ Баденвейлерѣ.

Буря, о которой говорилъ Чеховъ, надвинулась и уже разразилась, могучія волны освободительнаго движенія залили всю Россію, громовые взрывы народнаго гнѣва, тяжкими ударами прокатились надъ страной, разбудили всѣхъ, кто спалъ,—и теперь вполне умістно и своевременно взглянуть на отношеніе Чехова къ оппозиціонной Россіи. Въ короткой газетной замѣткѣ мы не владимся въ детальный анализъ покойнаго писателя, какъ гражданина, мы постараемся лишь бѣгло набросать силуэтъ его общественной фізіономіи и хотя этимъ отдать должную дань Чехову-гражданину...

• • •

Талантъ Чехова расцвѣлъ въ 80-е годы, въ эту мрачную эпоху безвременья, горькаго отчаянія и безнадежной тоски, когда правительство рѣзко обрывало свѣтлыя традиціи и бодрія настроенія «эпохи великихъ реформъ», когда эти реформы застряли на полпути въ массу, покрылись пылью бюрократическихъ канцелярій, а кое-гдѣ прямо предавались анафемѣ. Крестьянство и городской пролетаріатъ тогда пребывали еще въ косности и неорганизованности, средніе классы только-только еще выходили изъ этого состоянія, а передовая интеллигенція задыхалась безъ свѣта и воздуха или безслѣдно гасла въ ссылкѣ, въ тюрьмахъ, на каторгѣ.

Явился Чеховъ, молодой, жизнерадостный, съ неизсякаемымъ, казалось, запасомъ энергіи и силъ... и какъ скоро зазвенѣла въ его юмористическихъ разсказахъ ноющая нотка тоски и печали! Чѣмъ больше и проникновеннѣе вглядывался онъ въ окружающую дѣйствительность, тѣмъ безпокойнѣе и острѣе звучала эта нотка, тѣмъ ярче и полнѣе расцвѣтали мечты о другой жизни, о жизни будущаго, «свѣтлой, чистой, изящной». И беспощадно-прямою Н. К. Михайловскій,—сначала упрекавшій, Чехова въ томъ, что тотъ «съ одинаковымъ хладнокровіемъ направляетъ свой превосходный художественный аппаратъ на ласточку и самоубійцу, на муху и слона, на слезы и воду», въ «Скучной Исторіи» не могъ не замѣтить «авторской брани» и «тоски по общей идеѣ»... Талантливыя соціологъ и критикъ, начинать понимать талантливаго бытописателя и художника, связь между оппозиціонной Россіей и «не оппозиционнымъ» писателемъ родилась и стала крѣпнуть. Одинъ за другимъ появлялись разсказы и повѣсти Чехова, одинъ за другимъ изобличались въ этихъ произведеніяхъ пороки и недостатки русской жизни, разбивалась предрасудки и условности, осыпались бездны ужаса и мрака, и—по жѣткому сравненію В. Г. Короленко—«какъ куполы церквей дальняго города, едва видные сквозь знойную пыль и удушливый туманъ труднаго пути»—сквозь тоску и печаль проглядывала надежда. И, между прочимъ, появился «Домъ съ мезониномъ», гдѣ Чеховъ устами героини разсказа говоритъ о социалистическомъ строѣ... Почти въ то-же время Чеховъ въ письмѣ къ Плещееву называетъ 60-е годы «святѣйшимъ временемъ» и говоритъ о томъ, что всегда будетъ защищать ихъ... Въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, въ разсказѣ «Невѣста» и драмѣ «Вишневый садъ» мы уже видимъ представителей новой Россіи, обрисованныхъ авторомъ тепло и любовно, съ явнымъ горячимъ сочувствіемъ човымъ явленіямъ...

«Черезъ 200-300 лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной, изумительной; человеку нужна такая жизнь и если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, готовиться къ ней»... Жизнь въ странѣ безправія и нищеты. Чеховъ предчувствовалъ наступленіе все лучшей и лучшей жизни и даже въ обыденной жизни, въ шуткахъ говорилъ о ней: «А знаете,—шутилъ онъ въ 90-хъ годахъ,—въ Россіи черезъ 10 лѣтъ будетъ конституція»...

Едва-ли нужно говорить о нескрываемой симпатіи покойнаго писателя ко всѣмъ честнымъ строителямъ свѣтлой русской будущности, особенно къ земцамъ и врачамъ и о нескрываемомъ презрѣніи и враждѣ ко всѣмъ «хамелеонамъ», «людямъ въ футлярахъ», къ крикунамъ и фразерамъ, къ бездѣлыкамъ и туендцамъ... Все это такъ ясно сквозитъ въ его произведеніяхъ.

За нѣсколько дней до своей смерти, прогуливаясь съ женой въ окрестностяхъ Баденвейлера, Чеховъ смотрѣлъ на сравнительно счастливыхъ рейнскихъ крестьянъ и съ горестію восклицалъ: «Когда-же наши мужики будутъ жить такъ же?»...

До конца жизни Чеховъ оставался вѣрнымъ сыномъ своей многострадаальной родины. Не будучи по своей натурѣ бойцомъ, онъ тѣмъ не менѣе ни на минуту не выпускалъ изъ рукъ знамя жизни «свѣтлой, чистой, изящной». Горькимъ сѣхромъ своимъ и огнемъ своей печали онъ расчищалъ дорогу освободительному движенію, онъ выдвинулъ значеніе человѣческой личности, не признавая возможности ея порабожденія какой бы то ни было властью извнѣ. Россія 80-хъ годовъ, безвременья и мрака, нашла въ Чеховѣ своего глубоко-правдиваго историка, а Россія конца предыдущаго столѣтія и начала нынѣшняго, Россія эпохи расцвѣта освободительнаго движенія,—нашла въ Чеховѣ своего пророка-историка и пророка, своего скромнаго, молчаливаго союзника. И глубоко-несправедливы тѣ, кто дерзко бросаетъ Чехову жестокой упрекъ въ гражданскомъ и общественномъ индифферентизмѣ...

Русская литература никогда не уходила отъ народа, его думъ и стремленій, не ушелъ отъ народа и Чеховъ, его связь съ оппозиціонной Россіей безусловно сильна и не замѣтить ее могутъ лишь близорукіе... Свободная Россія едва-ли забудетъ Чехова...

Г. Вяткинъ.